

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ МИРОНОВОЙ ДИАНЫ МИХАЙЛОВНЫ
«КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИСТЕМНОСТИ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.02.01 – РУССКИЙ ЯЗЫК.
ТАМБОВ, 2017

Предметом научного осмысления в оппонируемом исследовании является феномен системности, точнее – содержание, структура, механизмы, способы, языковые средства объективации СИСТЕМЫ как формата знаний в обыденной и научной картине мира носителя современного русского языка.

Актуальность заявленной проблемы исследования обусловлена, с нашей точки зрения, несколькими обстоятельствами. Прежде всего, необходимостью разработки «не закрытого» в языкознании вопроса о взаимодействии мыслительных и языковых структур, вопроса о языковых репрезентациях. Во-вторых, актуальность изучения языковой объективации концепта СИСТЕМА объясняется тем, что данный фрагмент языковой картины мира нельзя считать описанным на материале современного русского языка. В-третьих, актуальность решаемой проблемы связана с необходимостью выявления типа исследуемого формата знания, статус которого весьма не однозначен: с одной стороны, системность - это одна из универсальных категорий, следовательно, концепт СИСТЕМА предполагает логический, категориальный формат организации знания, что репрезентируется в научной картине мира; с другой стороны, концептуальные признаки, фиксируемые в процессе формирования концепта на основе обыденного опыта, отражают абстрактные и конкретные, специальные и общие, часто даже бытовые знания. Кроме того, как всякая единица знания, концепт СИСТЕМА является результатом оценочной интерпретации, «следы» которой необходимо выявить.

Анализируемая репрезентация сведена в диссертации к структуре номинативного поля концепта, содержанием которого выступают единицы разных уровней языка и речевые структуры, актуальные, с одной стороны, в научно-профессиональной коммуникации, с другой стороны – в обыденной. Сказанное позволяет предположить матричную структуру рассматриваемого формата знания, что и подтверждает проведённое исследование.

С этой точки зрения некоторое сомнение вызывает оригинальность гипотезы исследования, согласно которой «языковая репрезентация знаний о системе осуществляется на основе структурно-содержательных характеристик

концепта СИСТЕМА при участии когнитивных и языковых механизмов, которые совместно определяют формирование/ функционирование значений, передающих информацию о системе. Со стороны разграничения профессионального и наивного познания <...> гипотеза включает также предположение о различиях в области отраслевого и повседневного отражения системных объектов в языке, наиболее яркое из которых представлено широким использованием интерпретирующего потенциала концепта в обиходной коммуникации» (с.7 дисс.). Нам кажется, это изначально ясный посыл. Может ли логическая категория иметь тождественную репрезентацию при наивной и профессиональной когниции? Нет. А **цель исследования** в этом случае совершенно оправданно состоит в том, чтобы «выявить языковые средства и способы, концептуализации и категоризации системных объектов с учётом специфики профессионального и быденного видов познания» (с. 6 дисс.).

Ход исследования, представленный в структуре работы, коррелирует с её **результатами:**

1) выделены и проанализированы
а) **способы первичной концептуализации**, лежащие в основе наименований системных объектов (понятийный и категориальный форматы знания);

- а именно: **мыслительные операции** (анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования, профилирования, перспективизации (актуализации, фокусировки), дефокусирования концептуальных признаков, а также их интеграции)

и языковые механизмы (номинативная деятельность с использованием разноуровневых единиц языка, семантическая компрессия, развитие и актуализация значений номинантов концепта СИСТЕМА и их семантическое согласование с элементами контекста, использование определённых синтаксических конструкций) **формирования и вербализации первичных знаний о системе** (см.гл.2; с.216 дисс.);

б) **способы вторичной концептуализации(интерпретации)** знаний о системе в специальной и быденной практике: процедуры перспективизации интерпретируемого содержания и его сужения, метонимии, сравнения, концептуальной деривации (оценочной и метафорической), инференции; «на уровне языка и речи эти механизмы представлены явлениями номинации, специализации инвариантного значения, актуализацией значений и семантическим согласованием в контексте, языковой метафорой и метонимией (для синонимических репрезентантов базового слова),

метафорической сочетаемостью номинантов концепта, а также использованием определённых синтаксических конструкций» (с.216 дисс.);

в) вербализованные признаки концепта СИСТЕМА в специальной и наивной картинах мира;

2) концепт структурирован; выявленные признаки соотнесены с понятийной, образной, интерпретирующей составляющей содержания концепта;

3) проведён обобщающий сопоставительный анализ полученных результатов при учёте сходств и различий между профессиональной и наивной картинами мира.

4) в результате перечисленного выше смоделирован универсальный концепт СИСТЕМА как фрагмент русской ЯКМ.

Всё перечисленное определяет и объясняет научную новизну исследования Мироновой Д.М.

Теоретическая значимость оппонируемого исследования состоит, с нашей точки зрения, в развитии и подтверждении теоретических положений когнитивной семантики на конкретном русскоязычном материале, в первую очередь, в прояснении способов первичной и вторичной концептуализации системных объектов на уровне языка и речи.

Весьма важным мы считаем следующий частный, но с очевидной возможностью транслируемый на другие сферы/концепты вывод о роли оценочной деятельности в процессе концептуализации, сделанный диссертанткой: «Оценочная деятельность способствует «присвоению» специальных знаний о системе обыденным сознанием и, таким образом, обеспечивает дальнейшее развитие у концепта СИСТЕМА свойств метапрофессиональной мыслительной единицы» (с.22 автореф.).

Что касается **практической составляющей значимости** оппонируемого исследования, то, прежде всего, считаем нужным заметить, что её формулировка в диссертации относится к области намерений и возможностей:

«Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования полученных результатов [п/ж наш.-Т.Р.] в области филологического образования при написании спецкурсов по когнитивной лингвистике (в том числе когнитивному терминоведению), отдельных разделов учебных пособий, сборников упражнений и курсов лекций с подключением лингвокогнитивного подхода. Сформулированные в работе выводы могут представлять интерес в научных и учебно-научных целях, связанных с лексикографической или исследовательской практикой. Фактический материал и результаты исследования также могут быть

востребованы в других дисциплинах гуманитарного, социального и философского циклов (к примеру, в психологии, социологии, политологии, аксиологии, онтологии и гносеологии), имеющих выход в область человеческого познания и описание картины мира» (с.14 дисс.). Всё это верно, но хотелось бы узнать данные о реальном, состоявшемся внедрении результатов исследования в учебный процесс вуза, научно-исследовательскую практику.

Достоверность результатов исследования подтверждается широкой и вариативной эмпирической базой исследования, качеством материала, привлечённого для анализа (перечень источников фактического материала-88 наименований), использованием релевантных содержанию и задачам исследования методологии и методов исследования; сведениями об апробации и публикациях материалов исследования (см.с.4-5, 7,25 автореф.; 8-12, 17 дисс.).

Структура и содержание диссертации определяется логикой исследования и состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы (258 наименований); Перечня источников фактического материала (88 наименований) и Приложения –ассоциативной статьи, отражающей результаты ассоциативного эксперимента. По поводу Приложения возникли технические вопросы:1. Почему Приложение нумеруется как Приложение1, когда нет Приложения 2?; 2. Почему Приложение названо «Ассоциативное поле «система» (по данным экспериментов 2013-2014 гг.), если результаты не представлены в виде полевой структуры: ядро, центр, ближайшая периферия и т.д., а представляют собой перечень полученных в результате ассоциативного эксперимента реакций, которые маркируются по частоте, но не ранжируются по значимости, «по степени поступления» в цепочечном эксперименте?

Введение имеет традиционное содержание: обоснована актуальность темы, охарактеризован объект и предмет исследования, описаны источники фактического материала, сформулированы цель, задачи и научная новизна работы, охарактеризована теоретическая и методологическая база и методы исследования, отмечена его теоретическая и практическая значимость, представлены положения, вынесенные на защиту.

В главе I «**Теоретические основания исследования языковой репрезентации системности в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы**» излагаются теоретико-методологические позиции, с точки зрения диссертантки принципиально важные для изучения репрезентации системности в русском языковом сознании. Среди таких положений, наиболее существенным, с нашей точки зрения, является следующее:

«Глубина сущностного отражения действительности в наивной и научной КМ зависит от преобладающей *когнитивной детерминанты*, под которой в работе понимается ведущая цель познавательного процесса при построении концептуальной системы. В то время как детерминанта обыденного познания фокусирует признаки, значимые для повседневной жизненной практики, научно-теоретическая детерминанта имеет рациональный характер, направлена на построение объективного непротиворечивого знания и поэтому профилирует более полный и строгий набор сущностных признаков. Научная КМ как часть профессиональной формируется путём специальной подготовки и в отдельных компонентах осваивается наивным сознанием» (с.8 автореф.).

В первой главе также на основании данных лингвистических и энциклопедических словарей, список которых представлен в «Перечне источников фактического материала», Национального корпуса русского языка моделируется номинативное поле концепта СИСТЕМА: ядро, околоядерная зона, ближняя, дальняя, крайняя периферия.

В главе II «Репрезентация обыденных и профессиональных знаний о системе в русском языке» описаны результаты первичной (раздел 2.1) и вторичной (раздел 2.2) концептуализации системности в современном русском языке, полученные на основе данных научной литературы по теории систем, специальных отраслевых и лингвистических словарей, а также данных ассоциативного эксперимента. Сначала описываются онтологические предпосылки и когнитивные источники формирования концепта СИСТЕМА в сознании носителя русского языка.

Результаты первичной концептуализации системности в современном русском языке, по данным проведённого исследования, представляют собой матричный формат знания. Выявленные концептуальные признаки-компоненты моделируемой матрицы соотносятся с областями знания.

С использованием концептуального, семантико-когнитивного (термин, который использует диссертантка, показывает, что в исследовании не противопоставляются семантический и когнитивный анализ, они дополняют друг друга) и ассоциативного методов исследований выявляется и анализируется *образная репрезентация* системы в языке представителей различных возрастных и гендерных групп (в эксперименте участвовало 460 информантов, что позволяет признать сделанные выводы достоверными).

С помощью цепочечного ассоциативного эксперимента выявлялось индивидуальное, субъективное перцептивно-образное знание о системе. Полученные реакции квалифицируются как визуальные, тактильные, прецедентные. Здесь возникают вопросы, связанные с основанием

идентификации некоторых ассоциативных реакций:1. Почему, например, такие ассоциаты, как *компьютер, совокупность, матрица, администратор, Путин, больница, машина, электроника, космос, Сталин, числа*, квалифицируются как «**визуальные образные признаки**» (с.13 автореф.)? 2. Что понимается диссертантом под прецедентными реакциями и в целом под феноменом прецедентности, если на с.14 автореф. по существу задаются отношения пояснения или уточнения между синтагматическими и прецедентными реакциями («Влиянием устойчивой сочетаемости обусловлена сравнительно высокая частотность синтагматических, или прецедентных, реакций вроде *уравнений/уравнения, координат/координаты, город, зеркал; блок, администратор, аналитик, программист* в ответ на стимул «система») и в качестве примера прецедентных приводятся реакции, данные выше? Прецедентной является любая частотная связь? Штамп? Клише?

Как нам представляется, данные ассоциации относятся к разряду ассоциаций-штампов, которые характеризуются тем, что «не несут семантико-когнитивной нагрузки; **не предполагают соположения реальной ситуации с каким-либо прецедентным феноменом**; не связаны с фонетико-звуковым или зрительно-буквенным образом ассоциируемых единиц» (Красных 1998). А диссертант на той же странице утверждает, что «в таких примерах стратегия ассоциирования ориентируется на звуковую форму». Кроме того, самым существенным признаком прецедентности, с нашей точки зрения, является интерпретация прецедентного феномена не буквально, а в качестве **средства символизации любой ситуации** (Радбиль 1999:27), чего в приведённых примерах не наблюдается.

Описывая возможные предпосылки **вторичной языковой репрезентации** знаний о системе с позиции субъективной картины мира, Д.М. Миронова, ссылаясь на В.А. Маслову, утверждает, что «для русского языкового сознания механизмы конкретизации логических конструкторов тем более актуальны, поскольку оно «не приемлет абстракций» и поэтому «создаёт иное миропонимание», в котором многие понятия по-своему заземляются [Маслова 2004: 249]». (с.166 дисс.) Это, с нашей точки зрения, очень спорное утверждение: речь идёт об общей, а не о национально специфичной закономерности познания. Об этом свидетельствует и когнитивно-матричный анализ, описанный в разделе 2.2.2, где справедливо показывается, что в матричном формате концепта СИСТЕМА (по данным экспериментального материала) преобладают субординатные смыслы, что, по мнению самой диссертантки, «обеспечивается прагматичностью

предметно-практического мышления, а также спецификой освоения абстрактной сущности» (с. 175-176 дисс.), от общего к конкретному.

Моделируя ассоциативное поле, объективирующее концепт СИСТЕМА, исследователь приходит к выводу, что в наивной картине мира «абстрактное содержательное ядро концепта» (с.17 автореф.) структурировано в виде фрейма. Вершинные узлы которого «задаются признаками ‘критерий качества’, ‘дискретность состава’, ‘наличие структуры’, ‘функциональное предназначение’ и ‘целостность’ (с.157 дисс.). Слоты ‘устойчивость’, ‘поведение системы’, ‘условия существования системы’ и ‘оценка системы’ факультативны» (с.140-141 дисс.). Полученные результаты исследователь подверг корреляционной проверке данными «Русского ассоциативного словаря» и, как мы поняли, данными проекта «Лингвокультурный тезаурус русского языка» (Интернет-словарь ассоциаций) (с.156 дисс.).

Особо следует отметить обращение в процессе исследования к анализу метафорических моделей, интерпретирующих концепт СИСТЕМА (п.2.2.3): устанавливаются наиболее продуктивные метафоры, определяется их тип по области-источнику, их онтологическая и логическая разновидность, модель переноса концептуальных признаков, функциональное назначение.

В последнем разделе главы выявленные аксиологические признаки концепта СИСТЕМА градуируются исследователем по шкале психологической яркости в направлении от преобладающих рациональных оценок к менее частотным психологическим, эстетическим, этическим и гедонистическим оценкам (п.2.2.4, с.203 и далее).

Заключение представляет собой выводы-обобщение и очерчивает перспективу, возможность развития исследования в направлении изучения «вопросов, связанных с вербализацией знаний о системе в институциональных и персональных типах дискурса; с разработкой концепта в художественной картине мира соотносительно с национальной», вопросов самоорганизации концепта СИСТЕМА и его взаимодействия с другими единицами концептосферы. Перспективными выглядят задачи построения «таксономической модели языковой категоризации системных объектов в профессиональном и обыденном сознании», интеграции «когнитивно-дискурсивного и диахронического подходов» с целью установления закономерностей динамического отражения системности в языке (с.223 дисс.).

В целом научный статус исследования Д.М. Мироновой мы оцениваем весьма высоко. Суммируем заданные **вопросы** и сделанные **замечания**.

1. Некоторое сомнение вызвала оригинальность гипотезы исследования по причине своей очевидности (с.1-2 отзыва).
2. В диссертации отсутствуют данные о реальном, состоявшемся, а не планируемом внедрении результатов исследования в учебный процесс вуза, научно-исследовательскую практику (с.3-4 отзыва).
3. Вопросы по представлению содержания исследования в Приложении (с.4 отзыва).
4. Вопрос о квалификации некоторых реакций, полученных в ассоциативном эксперименте (с.5-6 отзыва), в том числе вопрос о прецедентном характере этих реакций.
5. Насколько механизмы конкретизации логических конструктов являются национально специфичными? (с. 6 отзыва).

Подводя итоги, скажем, что, с нашей точки зрения, научное исследование, проведённое Д.М. Мироновой, самостоятельно, результативно (основные результаты мы перечислили на с.2-3 отзыва), его цели достигнуты, задачи решены. Положения, вынесенные на защиту, доказаны.

Основные положения диссертации нашли отражение в 10 публикациях по теме работы, из них 8 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Сведения об апробации свидетельствуют о том, что с результатами исследования ознакомлены специалисты.

Автореферат диссертации полно отражает содержание научной работы и соответствует её структуре.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертационное исследование Д.М. Мироновой «Концептуальные основы репрезентации системности в современном русском языке», представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук, полностью соответствует критериям кандидатских диссертаций, изложенным в пп. 9 – 14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук по специальности 10.02.01-русский язык, профессор, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Нижегородского филиала ФА ОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Романова

Романова Татьяна Владимировна

8

Подпись *Т.В. Романовой*
ЗАВЕРЕНА НАЧАЛЬНИКОМ
ОТДЕЛА КАДРОВ
Н.А. ЕРМОЛИНОЙ
Ермолиной
21.02.2017

Юридический адрес НИУ ВШЭ-Нижний Новгород:

603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.25/12;

<http://nnov.hse.ru>

Домашний адрес: 603074, г. Нижний Новгород, ул. Куйбышева, д.35, кв. 77

моб.т.: 89103979265

e-mail: tromanova@hse.ru